

**Дашкова Е.Р. Записки, 1743-1810 / Под. Ред. Н.Н. Глущенконой.
Калиниград: Калининградское книжное издательство: ФГУИПП
«Янтарный сказ», 2001.**

С. 5.

Я родилась в 1744 г.¹ в Петербурге. Императрица Елизавета уже вернулась к тому времени из Москвы, где она венчалась на царство. Она держала меня у купели, а моим крестным отцом был великий князь, впоследствии император Петр III². Оказанной мне императрицей честью я была обязана не столько ее родству с моим дядей³, канцлером, женатым на двоюродной сестре государыни, сколько ее дружбе с моей матерью⁴, которая с величайшей готовностью, деликатностью, скажу даже — великодушием снабжала императрицу деньгами в бытность ее великой княгиней, в царствование императрицы Анны⁵, когда она была очень стеснена в средствах и нуждалась в деньгах на содержание дома и на наряды, которые очень любила.

С. 14–15.

В ту же зиму великий князь, впоследствии император Петр III, и великая княгиня, справедливо названная Екатериной Великой⁶, приехали к нам провести вечер и поужинать. Иностранцы обрисовали меня ей с большим пристрастием; она была убеждена, что я все свое время посвящаю чтению и занятиям, что и привлекло мне ее уважение, оказавшее столь большое влияние на мою жизнь и вознесшее меня на такой пьедестал, о котором я никогда не смела и мечтать. Я смело могу утверждать, что кроме меня и великой княгини, в то время не было женщин, занимавшихся серьезным чтением. Мы почувствовали взаимное влечение друг к другу, а очарование, исходившее от нее, в особенности когда она хотела привлечь к себе кого-нибудь, было слишком могущественно, чтобы подросток, которому не было и пятнадцати лет, мог ему противиться, и я навсегда отдала ей свое сердце; однако она имела в нем сильного соперника в лице князя Дашкова⁷, с которым я была обручена; но вскоре и он проникся моим образом мыслей, и между ними исчезло всякое соперничество. Великая княгиня осыпала меня своими милостями и пленила меня своим разговором. Возвышенность ее мыслей, знания, которыми она обладала, запечатлели ее образ в моем сердце и в моем уме, снабдившем ее всеми атрибутами, присущими богато одаренным природой натурам. Этот длинный вечер, в течение которого она говорила почти исключительно со мной одной, промелькнул для меня как одна минута. Он и стал первоначальной причиной многих событий, о которых речь будет ниже.

С. 29–36.

На следующий день отец объявил мне, что по приказанию императрицы все офицеры Преображенского полка с женами, которые получили приглашение от их императорских высочеств, должны были ехать в Ораниенбаум. Мы с мужем были в их числе. Мне неприятно было подвергаться стеснениям придворной жизни и не хотелось расставаться с дочерью. Тогда мой отец предложил нам поселиться в его доме, находившемся на полпути между Петергофом и Ораниенбаумом, и я успокоилась. Вскоре мы переселились на новую квартиру и на следующий же день, поехали ко двору их высочеств.

Великий князь сказал мне: «Если вы не хотите здесь жить, вы должны приезжать каждый день, и я желаю, чтобы вы были больше со мной, чем с великой княгиней». Я ничего не ответила и решила под всевозможными предложениями не ездить каждый день в Ораниенбаум, и при своих посещениях пользоваться, насколько возможно обществом великой княгини, которая оказывала мне такое внимание, каким она не удостаивала ни одну из дам, живших в Ораниенбауме.

Великий князь вскоре заметил дружбу ко мне его супруги и то удовольствие, которое мне доставляло ее общество; однажды он отвел меня в сторону и сказал мне следующую странную фразу, которая обнаруживает и простоту его ума и доброе сердце:

— Дочь моя*, помните, что благоразумнее и безопаснее иметь дело с такими простачками, как мы, чем с великими умами, которые, выжав весь сок из лимона, выбрасывают его вон**.

Я ответила, что не понимаю смысла его слов, и напомнила ему, что его августейшая тетка, императрица Елизавета, приказала нам посещать и двор ее высочества. Я должна отдать справедливость моей сестре, графине Елизавете, что она не требовала, чтобы я посвящала ей свое время. Она меня ничем не стесняла, а великий князь с того времени вывел заключение, как мне пришлось убедиться, что я просто дурочка. Все-таки мне часто не удавалось уклониться от праздников, которые великий князь задавал в лагерях; его высочество и его генералы сильно курили, но дым нас не беспокоил, так как порывы ветра уносили его из палатки***. Эти празднества заканчивались обыкновенно балом и ужином в «зеленой» зале, стены которой были убраны еловыми и сосновыми ветвями. В лагере и на праздниках, задаваемых великим князем, говорили преимущественно на немецком языке, а те, кто им не владел, должны были знать по крайней мере имена и общеупотребительные выражения, чтобы не стать предметом насмешек. Когда праздник происходил в имении, принадлежавшем великому князю, где дом был невелик и не вмещал много народу, общество не было так многочисленно; после чаю и пунша играли в камп⁸, довольно

* Он был моим крестным отцом.

** Я часто вспоминала эти слова впоследствии и благодаря случайности узнала, из какого источника они исходили и кто их подсказал моему крестному отцу.

*** Эти голштинские генералы набирались большею частью из прусских унтер-офицеров или немецких сапожников, покинувших родительские дома. Кажется, никогда в России не бывало генералов менее достойных своего чина, за исключением разве гатчинских генералов Павла I.

бессмысленную игру, которую великий князь, однако, очень любил. Как это времяпрепровождение отличалось от тех часов, которые мы проводили у великой княгини, где царили приличие, тонкий вкус и ум! Ее императорское высочество относилась ко мне с возрастающим дружелюбием; зато и мы с мужем с каждым днем все сильнее и сильнее привязывались к этой женщине, столь выдающейся по своему уму, по своим познаниям и по величю и смелости своих мыслей. Ей разрешалось один раз в неделю ездить в Петербург, где жила в то время императрица, на свидание со своим сыном, великим князем Павлом****. В те дни, когда она знала, что я не нахожусь в Ораниенбауме, она на обратном пути из Петергофа останавливалась у нашего дома, приглашала меня в свою карету и увозила к себе; я с ней проводила остаток вечера. В тех случаях, когда она сама не ездила в Ораниенбаум, она меня извещала об этом письмом, и таким образом между великой княгиней и мной завязалась переписка и установились доверчивые отношения, составлявшие мое счастье, так как я была так привязана к ней, что, за исключением мужа, пожертвовала бы ей решительно всем.

Когда настало время вернуться в город, порядок вещей изменился. Я не видела больше великой княгини, и мы обменивались только довольно частыми записками. Однажды во время большого обеда на восемьдесят персон во дворце, на котором присутствовала и великая княгиня, великий князь стал говорить про конногвардейца Челищева, у которого была интрига с графиней Гендриковой, племянницей императрицы Елизаветы. Под влиянием вина и прусской солдатчины он сказал, что для примера следовало бы отрубить Челищеву голову, чтобы другие офицеры не смели ухаживать за фрейлинами и родственницами государыни. Голштинские приспешники не замедлили кивками головы и словами выразить свое одобрение.

— Ваше императорское высочество, — возразила я, — я никогда не слышала, чтобы взаимная любовь влекла за собой такое деспотическое и страшное наказание, как смерть избранника сердца!

— Вы еще ребенок, — ответил великий князь, — и не понимаете, что когда имеешь слабость не наказывать смертью людей, достойных ее, то неминуемо водворяются неповиновение и всевозможные беспорядки.

— Ваше высочество, — продолжала я, — вы говорите о предмете, внушающем всем присутствующим неизъяснимую тревогу, так как, за исключением ваших почтенных генералов, все мы, имеющие честь быть вашими гостями, родились в то время, когда смертная казнь уж не применялась.

— Это-то и скверно, — возразил великий князь, — отсутствие смертной казни вызывает много беспорядков и уничтожает дисциплину и субординацию.

Все молчали кругом, и разговор шел только между нами двумя.

— Повторяю, — добавил он, — что вы еще ребенок и не понимаете подобных вещей.

**** Великий князь проявлял по отношению к сыну полное равнодушие и никогда его не посещал.

— Сознаюсь, ваше императорское высочество, что я действительно ничего в этом не понимаю, но я чувствую и знаю, что ваше высочество забыли, что императрица, ваша августейшая тетка, еще жива.

Взоры всех присутствующих устремились на меня. Великий князь в ответ показал мне язык (он делал это и в церкви по адресу священников), чему я была очень рада, так как эта выходка доказывала, что он на меня не сердится, и избавляла меня от дальнейших возражений.

Так как среди приглашенных было много гвардейцев и офицеров, служивших в кадетском корпусе, над которым великий князь имел фиктивную команду, то этот разговор стал вскоре известен всему Петербургу и вызвал всеобщие и преувеличенные похвалы по моему адресу. На следующий день великая княгиня также отзывалась о нем самым лестным для меня образом. Я же не придавала ему никакого значения, так как вследствие моей неопытности и незнания света и придворной жизни я не понимала еще, насколько опасно было исполнять то, что я считала долгом каждого честного человека: всегда говорить правду. Я не знала, что то, что мне простит сам государь, царедворцы его никогда не забудут. Однако этому маленькому обстоятельству, в связи еще с несколькими другими в таком же роде, я обязана тем, что у меня составила репутация искренней и твердой патриотки, и благодаря этому некоторые офицеры не колеблясь облекли меня своим доверием.

Болезнь императрицы Елизаветы усиливалась с каждым днем. Вся моя семья, и в особенности мой дядя, канцлер, была погружена в глубокую печаль, которую я искренне разделяла, так как любила всем сердцем императрицу, мою крестную мать; и кроме того, мое пребывание в Ораниенбауме открыло мои глаза на то, что ожидало мою родину, когда на престол вступит государь ограниченный, необразованный, не любивший свой народ и ставивший себе в заслугу свое подчинение прусскому королю, которого он величал в кругу своих друзей своим «господином».

С. 41–69.

25 декабря, в день рождества Христова, мы имели несчастье потерять императрицу Елизавету. Я могу засвидетельствовать как очевидец, что гвардейские полки (из них Семеновский и Измайловский прошли мимо наших окон), идя во дворец присягать новому императору, были печальны, подавлены и не имели радостного вида (как то утверждают некоторые авторы мемуаров о России, записывавшие только то, что соответствовало их образу мыслей, хотя девять десятых жителей Петербурга могли бы засвидетельствовать совершенно противоположное). Солдаты говорили все вместе, но каким-то глухим голосом, порождавшим сдержанный и зловещий ропот, внушавший такое беспокойство и отчаяние, что я была бы рада убежать за сто верст от своего дома, чтобы его не слышать. Мой муж был в другом конце города, в Преображенском полку. Я еще не знала о смерти Елизаветы, но шествие двух вышеупомянутых полков возвестило мне о ее кончине. День рождества Христова, считающийся у нас

одним из самых больших праздников, торжественно чтимых народом, казался мрачным, траурным днем; все лица были печальны. Я была больна и не видела никого из своих. Государственный канцлер также лежал больной в постели; на третий день его неожиданно посетил император; он прислал и мне сказать, чтобы я приехала к нему вечером, но я отговорила нездоровьем; на следующий день повторилось то же самое; наконец на шестой день моя сестра написала мне, что государь недоволен тем, что я не приезжаю, и не верит моей болезни. Не желая вызывать неприятного объяснения между императором и моим мужем, я после обеда поехала сначала к моему отцу и к дяде, а затем отправилась во дворец; императрицу мне не удалось увидеть, так как она выходила из своей комнаты, только чтобы поклониться телу своей тетки и понаблюдать за исполнением обычных в подобных случаях обрядов. Она все время плакала, и я имела сведения о ней только через ее лакея.

Когда я вошла в гостиную, Петр III сказал мне нечто, что относилось к моей сестре и было так нелепо, что мне не хочется и повторять его слова. Я притворилась, что не поняла их, и поспешила присоединиться к игре в кампи; она обходилась мне немного дорого, так как ставка была на десять империялов (сто рублей), причем всегда выигрывал император, так как он не брал фишек, и когда проигрывал, то вынимал из кармана империял, чтобы покрыть им пульку, но так как у него в кармане было, конечно, более десяти империялов, то он всегда в конце концов срывал пульку. Когда его величество предложил сыграть вторую пульку, я попросила его избавить меня от участия в ней; но государь настаивал, предлагая даже играть со мной пополам, но я, напустив на себя ребячески глупый вид, ответила, что недостаточно богата, чтобы позволить так обирать себя, и что, если бы его величество клал деньги на стол, как все мы, у нас была бы еще возможность выиграть, но так как он играл, держа деньги в кармане, и мы не могли угадать, сколько их у него, то он, конечно, будет неизменно выигрывать и пользоваться нашими ставками.

Сознаюсь, что это было несколько дерзко; но надо себе представить, какое отвращение мне внушала подобная низость со стороны государя; кроме того, мой муж не пользовался доходами со своих имений, унаследованных им от отца, и, повинувшись своей сыновней почтительности и любви к матери, предоставлял их ей, несмотря на то что у него самого было много долгов, а сам довольствовался той небольшой сравнительно суммой, которую она присылала на наше содержание; меня пугала одна мысль увеличить денежные затруднения моего мужа, и это может служить оправданием моих смелых слов.

Государь не обиделся на меня и, по-прежнему принимая меня за упорного и, пожалуй, глупого ребенка (ему казалось, что он еще так недавно держал меня у купели), ответил мне какой-то плоской шуткой и разрешил не принимать участия в игре. Общество как в этот вечер, так и почти во все последующие состояло из двух братьев Нарышкиных⁹ с супругами, Измайлова¹⁰ с женой, графини Елизаветы¹¹, Мельгунова¹², Гудовича¹³, Унгерна¹⁴, адъютанта императора, графини Брюс и еще двух-трех лиц, которых я не помню. Все смотрели на меня с удивлением, и я слышала, как они говорили между собой:

«Вот мужественная женщина!» (То же самое говорили по-немецки голштинские генералы в Ораниенбауме, думая, что я не понимаю их языка). Остальное общество было в соседней комнате; проходя через нее, мне казалось, что я попала в маскарад. На всех были другие мундиры; даже старик князь Трубецкой¹⁵ был затянут в мундире, в ботфортах со шпорами. Этот старый царедворец, никогда не бывший военным, захотел им сделаться в семьдесят лет. До самой смерти императрицы он лежал с распухшими до невероятных размеров ногами, а в день ее кончины побежал отдавать приказания офицерам Измайловского полка, куда он незадолго перед этим был назначен подполковником. Гвардейские полки играли значительную роль при дворе, так как составляли как бы часть дворцового штата. Они не ходили на войну; князь Трубецкой, занимая одно время и гражданскую должность, не исполнял своих обязанностей командира. Меня даже уверяли, что он, подобно нищим, знал средство, вызывающее опухоль на любой части тела.

Все придворные и знатные городские дамы, соответственно чинам своих мужей, должны были поочередно дежурить в той комнате, где стоял катафалк; согласно нашим обрядам, в продолжение шести недель священники читали Евангелие^{*}; комната была вся обтянута черной материей, кругом катафалка светило множество свечей, что в связи с чтением Евангелия придавало ей особенно мрачный, величественный и торжественный вид. Императрица приходила почти каждый день и орошала слезами драгоценные останки своей тетки и благодетельницы. Ее горе привлекало к ней всех присутствующих. Петр III являлся крайне редко, и то только для того, чтобы шутить с дежурными дамами, подымать на смех духовных лиц и придирается к офицерам и унтер-офицерам по поводу их пряжек, галстуков или мундиров.

Наибольшим расположением императора, после прусского министра, пользовался английский, Кейт. Этот почтенный старец любил меня, как родную дочь. Мы с мужем и княгиня Голицына (о которой я упоминала выше) обедали у него каждую неделю; его звали Романом, как и моего отца, вследствие чего он в шутку намывал меня своей дочерью, когда не было посторонних. Он часто говорил в интимном кругу, что император точно намеренно старается навлечь на себя всеобщее неудовольствие, а может быть, и презрение. Он бывал очень неучтив с остальными иностранными министрами, которым, конечно, не могло нравиться его обращение с ними.

Однажды император послал сказать моему дяде канцлеру, что будет ужинать у него. В тот день дядя был болен и, конечно, не особенно радовался предстоящему ужину. Он послал за моей сестрой, графиней Бутурлиной, и за моим мужем и мной. Император приехал в семь часов и до ужина сидел в комнате больного; он разрешил дяде не присутствовать на нем. Графиня Строганова, графиня Бутурлина и я, пользуясь отсутствием дяди, не сели за стол и под тем предлогом, что хотели угощать гостей, ходили кругом стола. Это даже

* Евангелие читается у гроба коронованных особ и епископов; по смерти частных лиц читают псалмы.

пришлось по вкусу императору, ненавидевшему всякий этикет и церемонии. Я стояла за его стулом в то время, как он рассказывал австрийскому послу, графу Мерси, и прусскому министру, как в бытность его в Киле, в Голштинии, еще при жизни своего отца, ему поручено было изгнать богемцев из города; он взял эскадрон карабинеров и роту пехоты и в один миг очистил от них город. Граф Мерси бледнел и краснел, не зная, подразумевает ли император под богемцами кочующих цыган или подданных его императрицы, королевы Венгрии и Богемии. Ему было тем более неловко, что он знал, что уже отправлен был приказ об отделении нашей армии от австрийской. Не надо забывать, что в обращении с императором я всегда принимала тон балованного, упрямого ребенка и называла его «папой». Я наклонилась над ним и сказала ему тихо по-русски, что ему не следует рассказывать подобные вещи иностранным министрам и что если в Киле и были нищие цыгане, то их выгнала, вероятно, полиция, а не он, который к тому же был в то время совсем ребенком.

— Вы маленькая дурочка, — ответил он, — и всегда со мной спорите.

Он успел уже выпить много вина, и я была убеждена, что он забудет на следующий день наш разговор. Я отошла от его стула как ни в чем не бывало. Однажды, когда я была у государя, он, к величайшему удивлению всех присутствовавших, по поводу разговора о прусском короле начал рассказывать Волкову (в предыдущее царствование он был первым и единственным секретарем Конференции), как они много раз смеялись над секретными решениями и предписаниями, посылаемыми Конференциею в армии; эти бумаги не имели последствий, так как они предварительно сообщали о них королю. Волков бледнел и краснел, а Петр III, не замечая этого, продолжал хвастаться услугами, оказанными им прусскому королю на основании сообщенных ему Волковым решений и намерений совета.

Император приходил в придворную церковь лишь к концу обедни; он гримасничал и кривлялся, передразнивая старых дам, которым он приказал делать реверансы на французский лад вместо русского наклона головы. Бедные старушки едва удерживались на ногах, когда им приходилось сгибать колени, и я помню, как графиня Бутурлина, свекровь моей старшей сестры, чуть не упала, приседая перед государем; к счастью, ее успели поддержать.

Петр III был совершенно равнодушен к великому князю Павлу и никогда его не видал; зато маленький князь каждый день видался с матерью. Воспитателем его был старший из братьев Паниных¹⁶, отозванный покойной императрицей, возложившей на него эти обязанности. Когда в Петербург приехал герцог Георгий голштин-готторпский, родной дядя императора и императрицы (он был брат матери государыни — принцессы Ангальт-Цербтской), Панин, через посредство Сальдерна, состоявшего при особе принца Георгия (впоследствии он играл большую роль и был русским послом при польском дворе), попросил принца голштин-готторпского и другого принца голштинского (более отдаленного родственника их величеств) предложить государю присутствовать при экзамене великого князя. Император склонился только на их усиленные просьбы, ссылаясь на то, что он ничего не поймет в

экзамене. По окончании испытания император громко сказал своим дядям: «Кажется, этот мальчуган знает больше нас с вами».

Он хотел наградить его чином гвардейского унтер-офицера, и Панин с трудом уговорил его не приводить своего намерения в исполнение под предлогом, что подобная честь разовьет тщеславие в великом князе и он, вообразив себя взрослым, не станет заниматься. Петр III совершенно согласился с этими доводами, не подозревая того, что Панин смеется над ним в душе. Он вообразил также, что вознаградит самого Панина наилучшим образом, если возведет его в чин генерал-аншефа, что и было объявлено Панину Мельгуновым на следующий день. Чтобы понять, насколько это было неприятно для Панина, надо знать, что ему было сорок восемь лет, он был слаб здоровьем, любил покой, всю свою жизнь провел при дворе или в должности министра при иностранных дворах, носил парик *à trois marteaux*^{*}, очень изысканно одевался, был вообще типичным царедворцем, несколько старомодным и напоминавшим собой придворных Людовика XIV¹⁷, ненавидел солдатчину и все, что отзывалось кордегардией. Он объявил Мельгунову, что ему решительно не верится, чтобы император удостоил именно его подобной милости, и что, если ему нельзя будет уклониться от своей новой карьеры, он скорее решится дезертировать в Швецию. Императору казалось столь непонятным, чтобы кто-нибудь мог отказаться от генеральского чина, что он сказал:

— Мне все твердили, что Панин умный человек. Могу ли я теперь этому верить?

Его величество принужден был дать ему соответствующий гражданский чин.

Пора мне упомянуть о родственных узах, которыми были связаны Панины с моим мужем. Младший брат Панин¹⁸ был генералом в армии, находившейся в Пруссии. Оба они были двоюродными братьями моей свекрови; их матери, рожденные Еверлаковы, вышли замуж за Леонтьева и Панина; следовательно, сыновья последней приходились дядями моему мужу. Старший из них отправлен был чрезвычайным послом, еще когда я была в колыбели; я познакомилась с ними в сентябре месяце по возвращении нашем из Ораниенбаума и видалась с ними очень редко до той минуты, как в царствование Петра III заговор стал принимать более определенную форму. Он очень любил моего мужа и сохранил благодарное воспоминание о добром отношении к ним моего отца в его молодые годы. Однако, несмотря на наши столь естественные родственные отношения и мою страсть к мужу, после переворота, когда я стала предметом всеобщей зависти, клевета называла этого почтенного дядю то моим любовником, то моим отцом, так как он якобы был любовником моей матери. Он оказал серьезные услуги моему мужу и был благодетелем моих детей; не будь этого, я бы ненавидела Панина, потому что из-за него пятнали мою репутацию. Должна сознаться, что я больше уважала младшего брата, генерала, за его солдатскую простосердечность, откровенность и твердость характера,

* Парик, который имел длинный локон между двумя бантами (*франц.*).

гораздо более подходившего к моему характеру, и при жизни его первой жены, которую я любила и уважала от всего сердца, я бывала чаще в обществе генерала Панина, чем его брата.

Но довольно об этом предмете, который раздражает меня еще и сейчас.

Однажды, в первой половине января, утром, в то время как гвардейские роты шли во дворец на вахтпарад и для смены караула, императору представилось, что рота, которою командовал князь, не развернулась в должном порядке. Он подбежал к моему мужу, как настоящий капрал, и сделал ему замечание. Князь отрицал это сначала довольно спокойно, но, когда его величество стал настаивать, князь, который был очень несдержан, если дело касалось хоть самым отдаленным образом его чести, ответил с такой горячностью и энергией, что император, который о дуэли имел понятия прусских офицеров, счел себя, по-видимому, в опасности и удалился так же поспешно, как и подбежал.

Мои родители и я, узнав об этой сцене, вывели из нее заключение, что император не всегда будет отступать перед моим мужем и что найдутся люди, которые объяснят государю, что он имеет полную возможность заставить отступить моего мужа. Мы и решили, что безопаснее всего будет разъединить их на некоторое время. Я в особенности настаивала на этом, так как по какому-то вдохновению была убеждена в том, что император будет свергнут с престола, и твердо решила принять участие в его низложении. Я страстно желала, чтобы мой муж в это время был за границей, чтобы в случае, если на меня обрушится несчастье, он не разделял бы его со мной. Так как не ко всем еще дворам были отправлены специальные послы для возвещения о восшествии на престол его величества, я уговорила мужа принять подобное назначение и, заручившись его согласием, попросила своего дядю канцлера представить и его в числе кандидатов. Он мне обещал, и на следующий же день муж получил извещение о назначении своем в Константинополь — на последнее свободное место. Мне не хотелось, чтобы он уезжал именно в Турцию, но приходилось выбирать из двух зол меньшее, и я предпочитала, чтобы он был в Константинополе, чем в Петербурге, где он подвергался опасности вследствие собственной горячности и в случае неудачи планов, наполнявших мое сердце и мысли и причинявших мне бессонницы, немало способствовавшие какому-то странному упадку сил и недомоганию, подтачивавшим мое здоровье. Князю было предоставлено право самому выбрать себе товарищей; они все получили в Петербурге деньги на дорогу и жалованье за шесть месяцев вперед, и в феврале месяце князь отправился в путь.

Я осталась в Петербурге, грустная и больная; моя энергия поддерживалась только бесчисленными планами, возникавшими в моей голове и поглощавшими меня до такой степени, что я стойко могла перенести разлуку с горячо любимым мужем. Князь ехал не спеша, надолго остановился в Москве, откуда поехал с матерью в Троицкое, лежавшее на пути в Киев, и остался там до начала июля.

Через два дня после отъезда князя со мной случилась неприятность. Я оставила при себе немногочисленную прислугу; какие-то матросы, работавшие в

Адмиралтействе в Петербурге, взломали окно комнаты, где горничная хранила мое белье, платье и даже деньги, — я ей доверяла решительно все. Они унесли все белье, все деньги и шубу, крытую серебряной парчой; благодаря этой шубе воры были впоследствии отысканы, но все-таки я осталась без денег и без белья. Моя сестра, графиня Елизавета, прислала мне кусок великолепного голландского полотна. Я послала ей сказать, что мне главным образом нужны были одна или две рубашки, пока прачка не принесет белье, находившееся у нее во время кражи; сестра немедленно прислала их мне. Я упоминаю об этом маленьком несчастье потому, что я по этому случаю в первый раз почувствовала нужду, что мне пришлось испытать не раз в течение моей последующей жизни. К тому же мне тяжело было занимать деньги и этим увеличивать долги моего мужа.

Император ничуть не изменился со времени своего воцарения. По поводу мира с прусским королем он выражал прямо неприличную радость¹⁹ и решил отпраздновать это событие большим парадным обедом, к которому были приглашены особы первых трех классов и иностранные министры.

Императрица заняла свое место посреди стола; но Петр III сел на противоположном конце рядом с прусским министром. Он предложил под гром пушечных выстрелов с крепости выпить за здоровье императорской фамилии, его величества короля Пруссии и за заключение мира. Императрица начала с тоста за императорскую фамилию. Тогда Петр III послал дежурного генерал-адъютанта Гудовича, стоявшего за его стулом, спросить императрицу, почему она не встала с места, когда пила за здоровье императорской фамилии. Императрица ответила, что, так как императорская фамилия состоит из его величества, его сына и ее самой, она не предполагала, что ей нужно было встать. Гудович сообщил ее ответ императору; тот велел ему передать государыне, что она «дура» и что ей следовало бы знать, что к императорской фамилии принадлежат и оба его дяди, голштинские принцы; опасаясь, однако, что Гудович не передаст императрице его слов, он сам сказал их ей громко на весь стол. Императрица залилась слезами и, желая рассеять свои тягостные мысли, попросила дежурного камергера, графа Строганова²⁰, моего родственника, стоявшего за ее стулом, развлечь ее своим веселым, остроумным разговором, в котором он был мастером. Он был очень предан императрице и на дурном счету у императора, тем более что его жена, ненавидевшая его, была очень дружна с моей сестрой и с Петром III; он превозмог огорчение, которое ему причинила эта сцена, и приложил все усилия к тому, чтобы рассмешить императрицу. По окончании обеда ему было повелено отправиться на свою дачу на Каменный остров и не выезжать из нее впредь до нового приказа.

Все эти события сильно взволновали общество. С каждым днем росли симпатии к императрице и презрение к ее супругу. Он как бы намеренно облегчал нам нашу задачу свергнуть его с престола, и это должно бы быть уроком для великих мира сего, что их низвергает не только их деспотизм, но и презрение к ним и к их правительствам, неизбежно порождающее беспорядки в

администрации и недоверие к судебной власти и возбуждающее всеобщее и единодушное стремление к переменам.

Каждый благоразумный человек, знающий, что власть, отданная в руки толпы, слишком порывиста или слишком неповоротлива, беспорядочна вследствие разнообразия мнений и чувств, желает ограниченного монархического правления с уважаемым монархом, который был бы настоящим отцом для своих подданных и внушал бы страх злым людям; человек, знакомый с изменчивостью и легкомыслием толпы, не может желать иного правления, кроме ограниченной монархии с определенными ясными законами и государем, уважающим самого себя и любящим и уважающим своих подданных.

Император посетил еще раз моего дядю, государственного канцлера, в сопровождении обоих голштинских принцев и обычной свиты. Императрица никогда не выезжала с ним и выходила из дворца только для коротких прогулок в экипаже. Мне нездоровилось, и я отказалась от чести ужинать с императором, что не доставляло мне ни малейшего удовольствия.

Каково было мое удивление, когда я узнала, что государь и его дядя, принц Георгий, как настоящие прусские офицеры, из-за различия мнений в разговоре обнажили шпаги и уж собрались было драться, но старый барон Корф (женатый на сестре жены канцлера) бросился на колени перед ними и, рыдая, как женщина, объявил, что он не позволит им драться, пока они не проткнут шпагой его тело. Его величество и принц голштин-готторпский оба любили Корфа; он прекратил эту глупую сцену, которая, по всей вероятности, сильно обеспокоила моего дядю, хотя и не присутствовавшего при ней, так как он лежал больным в постели. Я очень тревожилась о нем, так как узнала, что жена его в испуге выбежала из комнаты в самом начале сцены и сообщила ему бог знает что; но вскоре подоспели другие лица и рассказали ему подвиг Корфа, которому удалось совершенно примирить дядю и племянника.

Эта сцена не была единственной; за ней последовали еще несколько других в таком же роде до отъезда его величества в Ораниенбаум и оттуда в Кронштадт на смотр флота, отправлявшегося на войну с Данией. Император настаивал на этой войне, несмотря на то что все его отговаривали от нее, не исключая и Фридриха Великого²¹, употребившего все свое красноречие в письмах, чтобы убедить его не начинать войны²².

Тем временем я, не теряя времени, старалась утвердить в надлежащих принципах друзей моего мужа, капитанов Преображенского полка Пассека²³ и Бредихина²⁴ (Бредихин приходился нам родственником по жене, урожденной княжне Голицыной), братьев Рославлевых²⁵, майора и капитана Измайловского полка, и других. Я видалась с ними довольно редко, и то случайно, до апреля месяца, когда я нашла нужным узнать настроение войск и петербургского общества. Я часто посещала своих родных и Кейта; словом, я взяла за правило показываться всюду, где меня привыкли видеть, и только когда оставалась одна, можно было заметить, что я поглощена планами, которые были как будто и выше моих сил.

В числе иностранцев, прибывших в Россию, был один пьемонтец, по имени Одар, которому покровительствовал канцлер, доставивший ему место советника коммерц-коллегии. Я познакомилась с ним; он был образованный, тонкий, хитрый и живой человек уже не первой молодости. Вскоре он нашел, что занимаемое им место ему не подходило, так как он не знал ни продуктов, ни водяных сообщений и т. д., и попросил меня похлопотать, чтобы императрица взяла его в свой штат; я поговорила о нем с государыней, совсем не знавшей его, предполагая, что она может сделать его своим секретарем, но она ответила мне, что переписывается только с родными, так что ей секретарь не нужен, и что, во всяком случае, она навлекла бы на себя неудовольствие и подозрение, если бы взяла на эту должность иностранца. Мне, однако, удалось уговорить императрицу взять его к себе на службу и поручить ему улучшить земли, которые Петр III только что дал ей в удел, и устроить на них фабрики*. Он никогда не был мне ни другом, ни советчиком, как то уверяли некоторые авторы, подкупленные французами, которые, негодуя на то, что у Екатерины Великой были Суворов²⁶ и русские как подданные и как солдаты, чтобы водворить порядок во Франции и во всей Европе, распускали о ней клевету за клеветой. Они не оставили в покое и меня, думая, что Екатерина Великая будет недостаточно очернена, если в придачу они не загрязнят и Екатерину маленькую (я ношу тоже имя Екатерины).

Фельдмаршал Разумовский**, человек беспечный, с которым государь обходился очень дружелюбно, несмотря на это, не мог не видеть его полной неспособности управлять империей и опасностей, которым она подвергалась. Граф Разумовский любил свою родину, насколько ему это позволяли его апатия и лень. Он командовал Измайловским полком, где пользовался всеобщей любовью; представлялось чрезвычайно важным иметь его на нашей стороне, но всем нам казалось почти невозможным склонить его на это. Он был чрезвычайно богат, имел все чины и ордена, ненавидел какую бы то ни было деятельность и содрогнулся бы от ужаса, если бы его посвятили в заговор, в котором он должен был бы играть одну из главных ролей.

Однако я не отступила перед этими трудностями. Два брата Рославлевы, один майор, другой капитан Измайловского полка, и Ласунский, капитан того

* Из некоторых писем ее величества видно, что я одна рекомендовала его императрице, и, когда граф Строганов был сослан в свои поместья, я посоветовала Одару поехать с ним. Он не был близким мне человеком и не имел на меня никакого влияния; я его даже мало видела, а в последние три недели перед переворотом, когда все налаживалось для этого счастливого события, я его не видела ни разу. Я просто хотела дать ему кусок хлеба и приятное положение, но советов его не спрашивала, и он, конечно, имел бы еще меньше успеха у меня, если бы посмел уговаривать меня отдаться моему дяде, графу Панину, как то утверждали авторы бессмысленных и лживых пасквилей, написанных по образцу желчных памфлетов, направленных против Великой Екатерины.

** Разумовский Кирилл Григорьевич (1728–1803) — фельдмаршал, последний гетман Украины (1750–1764), принимал участие в дворцовом перевороте 1762 г.; президент Петербургской Академии (1746–1798); с 1768 г. — член чрезвычайного совета при дворе, с 1784 г. жил в Москве, с 1794 г. — на Украине.

же полка, имели большое влияние на графа; они каждый день бывали у него на самой дружественной ноге, но не надеялись заставить его действовать в нашем смысле. Я посоветовала им каждый день, сперва неопределенно, затем и более подробно, говорить ему о слухах, носившихся по Петербургу насчет готовящегося большого заговора и переворота; я рассчитывала, что он, конечно, не станет доносить об таких разговорах; когда же наш план созреет окончательно, они откроются ему и дадут ему почувствовать, что и он завлечен в заговор и не может отступить, так как они сообщили остальным его участникам о разговорах с ним, не вызывавших в нем протеста или неодобрения; они объяснят ему, что он находится в такой же опасности, как и они, и рискует менее, если станет во главе своего полка и будет действовать заодно с нами. Они сделали, как я их научила, и наш план удался на славу.

Я продолжала посещать английского министра Кейта. Однажды он мне сообщил, что в городе распространились слухи, что в гвардии готовится бунт и что главной причиной его была нелепая война с Данией. Я спросила, не называют ли имен главарей.

— Нет, — ответил он, — и я думаю, что их вовсе нет; офицеры и генералы не могут иметь ничего против войны, которая даст им возможность отличиться. Вероятно, все кончится тем, что сошлют в Сибирь нескольких лиц да солдат накажут розгами.

Меня беспокоило широкое распространение этих слухов, но делать было нечего и приходилось торопиться, насколько возможно, с развязкой.

Тем временем я вела образ жизни, который должен был дурно отозваться на моем здоровье; я так же часто, как и раньше, посещала родных. В почтовые дни я писала длиннейшие письма моему мужу и плакала о разлуке с ним. Остальные дни недели, за исключением немногих часов сна, я была поглощена выработкой своего плана и чтением всех книг, трактовавших о революциях в различных частях света. Так как я не отличалась крепким здоровьем, румянец сбежал с моих щек, и я худела с каждым днем; вскоре я схватила простуду, которая чуть не прикончила меня.

Между Петербургом и Красным Кабаком²⁷ на протяжении десяти верст простирались сплошные болота и густые леса; кто-то посоветовал Петру III раздать их. Большинство богатых вельмож, осушив их, превратили в прелестные дачные места; один участок был отдан одному из ораниенбаумских голштинцев*; но тот испугался расходов и предоставил правительству отдать его кому угодно. Мой отец пожелал, чтобы я его взяла; тщетно я объясняла ему, что не могу им заняться, так как денег у меня вовсе не было; он настоял на своем и обещал мне выстроить маленький деревянный домик.

* Эти голштинцы были большею частью подмастерья или рабочие, бежавшие от своих хозяев; среди них были и солдаты, и унтер-офицеры, дезертировавшие из армий маленьких германских принцев; их принимали в Ораниенбауме с распростертыми объятиями, зачисляли в армию Петра III, тогда еще великого князя, и быстро повышали в чинах.

Я исполнила желание отца, твердо решившись, однако, не предпринимать ничего, что могло бы стеснить моего мужа в денежном отношении; кроме расходов на скромный стол для меня, моей дочери и для прислуги, я ничего не тратила, так как носила еще платья моего приданого. В то время в Петербурге проживало около сотни крепостных моего мужа, которые каждый год приходили на заработки; из преданности и благодарности за свое благосостояние они предложили мне, что поработают четыре дня, чтобы выкопать канавы, и затем будут в праздничные дни поочередно продолжать работы. Они работали с таким усердием, что вскоре более высокая часть земли обсушилась и была готова под постройку дома и служб. Мне пришла в голову мысль не называть пока это первое мое имение и в случае удачи революции дать ему имя того святого, чья память будет чтиться в этот день. Однажды я поехала туда верхом с графом Строгановым. Желая погулять по лугу, казавшемуся мне уже обсохшим, я погрузилась в болото по колено. Ноги у меня промокли, и, возвратившись домой, я заболела. Императрица, узнав об этом, написала мне очень дружеское письмо и в своем беспокойстве о моем здоровье была очень недовольна моим спутником, графом Строгановым, которого она в своих письмах называла обыкновенно «*magot*»** (Уродина (франц.) (его уродливость и шутовство вполне оправдывали это прозвище), обвиняя его в недостаточно заботливом обо мне попечении. Когда я получила это письмо, у меня был сильный жар, и мой ответ на него был, вероятно, так же несвязен, как и мои мысли. Потом я помнила только, что писала частью по-русски, частью по-французски, стихами и прозой. Когда мне стало лучше, императрица спросила меня в одной из своих последующих записок, с каких пор я стала пророчествовать; она писала, что поняла русские стихи, продиктованные мне моим пристрастием к ней, но, кроме этого доказательства моей нежной дружбы, она ничего не разобрала в моем письме, и в особенности не могла понять, что обозначает упоминание о каком-то дне, который даст имя моему поместью.

Меня посещали мои родные, и между ними и дядя, граф Панин, как только позволяли его обязанности воспитателя. Так как для нас было очень важно, чтобы человек его характера принадлежал нашей партии, я несколько раз решалась заговорить с ним о вероятности низложения с престола Петра III и спросила его, какие последствия повлекло бы за собой подобное событие и кто и как управлял бы нами. Мой дядя воображал, что будет царствовать его воспитанник, следуя законам и формам шведской монархии. Я забыла упомянуть об одном обстоятельстве, привлекшем мне доверие графа Панина, вследствие того что его племянник, князь Репнин²⁸, которого он очень любил и уважал, блестящим образом доказал мне свое доверие и почтение.

Я часто встречалась с князем Репниным у княгини Куракиной, у которой жила его жена, княгиня Репнина (она была сестра князя Куракина²⁹ и приходилась двоюродной сестрой моему мужу). Он меня понял совершенно и увидел, что мною руководили строгие принципы и восторженный патриотизм, а

** Уродина (франц.).

не личные интересы и мечты о возвеличении моей семьи. Петру III показалось, что торжественного обеда, о котором я упоминала, недостаточно было для отпразднования заключения мира с прусским королем, и в Летнем дворце состоялся еще ужин в присутствии нескольких городских дам, любимых генералов и офицеров и прусского министра; тут Петр III по-своему изобразил свою радость, и его в четыре часа совершенно пьяного вынесли на руках, посадили в карету и отвезли домой во дворец. Однако перед отъездом из Летнего дворца он наградил мою сестру, Елизавету, орденом св. Екатерины* и объявил князю Репнину, что назначает его министром-резидентом в Берлин, с тем чтобы он исполнял все приказания и желания прусского короля. Князь Репнин приехал ко мне прямо из Летнего дворца в пятом часу утра. Я еще спала, но он настоял на том, чтобы мне доложили о его приезде. Лакей постучался в дверь уборной, смежной с моей спальней, и я проснулась. Я подняла старушку, которая всегда спала около моей постели, и она, узнав, в чем дело, объявила мне, что меня желает видеть мой двоюродный брат, князь Репнин. Я быстро накинула платье, вышла к нему и была поражена как его ранним посещением, так и новостями, которые он мне привез. Он был очень взволнован и прямо приступил к делу.

— Все потеряно; ваша сестра получила орден св. Екатерины, а меня посылают министром и адъютантом короля прусского.

Как ни была я поражена этими известиями, я не пожелала продлить посещение князя и сказала ему, что с характером Петра III трудно предвидеть последствия его слов и поступков, но и не следует их бояться; я посоветовала ему вернуться домой и на следующий день рассказать о всем случившемся своему дяде, графу Панину.

После ухода князя Репнина я более не ложилась спать и принялась раздумывать над различными проектами касательно завершения переворота, предложенными нашими заговорщиками. Но все это были только предположения, и определенного плана еще не было, хотя мы и согласились единодушно совершить революцию, когда его величество и войска будут собираться в поход в Данию. Я решила открыться графу Панину при первом моем свидании с ним.

Он стоял за соблюдение законности и за содействие Сената.

— Конечно, это было бы прекрасно, — ответила я, — но время не терпит. Я согласна с вами, что императрица не имеет прав на престол и по закону следовало бы провозгласить императором се сына, а государыню объявить регентшей до его совершеннолетия; но вы должны принять во внимание, что из

* По статуту ордена им могли быть награждены только особы императорской фамилии и иностранные принцессы; частные же лица могли его получать только в том случае, если они спасли от опасности особу государя или оказали чрезвычайную услугу отечеству. Вследствие этого в предыдущие царствования не было ни одного случая награждения орденом св. Екатерины.

ста человек девяносто девять понимают низложение государя только в смысле полного переворота.

При этом я назвала ему главных заговорщиков: братьев Рославлевых, Ласунского, Пассека, Бредихина, Баскакова³⁰, князя Барятинского³¹, Хитрово³² и других — и Орловых, которых они привлекли на свою сторону. Он был поражен и испугался, узнав, как я далеко зашла и что я ничего не сообщала императрице о своих планах, боясь ее скомпрометировать.

Словом, я убедилась, что моему дяде при всем его мужестве не хватает решимости, и, чтобы не вступать в ненужные споры, я стала объяснять ему, как важно было бы иметь на нашей стороне Теплова^{**33}, и, так как я сама его видела очень редко, он, граф Панин, является единственным человеком, который мог его привлечь и вместе с ним и графа Разумовского, на которого он имел несомненное влияние. Я взяла с моего дяди обещание, что он никому из заговорщиков не обмолвится ни словом о провозглашении императором великого князя, потому что подобное предложение, исходя от него, воспитателя великого князя, могло вызвать некоторое недоверие. Я обещала ему в свою очередь самой переговорить с ними об этом; меня не могли заподозрить в корысти, вследствие того что все знали мою искреннюю и непоколебимую привязанность к императрице. Я действительно предложила заговорщикам провозгласить великого князя императором, но провидению не угодно было, чтобы удался наш самый благоразумный план^{1*}.

Новгородский архиепископ был человек очень образованный и пользовался всеобщим уважением и любовью духовенства. Его просвещенный ум ясно понимал, что в царствование такого царя, каким был Петр III, значение церкви неминуемо будет умалено. Он не скрывал своей скорби по этому поводу и был готов содействовать нам в той мере, в какой ему позволяло его пастырское достоинство. Для нас это было очень важно, так как, в числе прочих качеств, он обладал трогательным и мужественным красноречием, увлекавшим его слушателей.

На этом дело и стало. В течение десяти дней число заговорщиков увеличивалось, но окончательный и разумный план все еще не созрел. К своему удовольствию, я узнала от дяди моего мужа, князя Волконского³⁴, только что вернувшегося с войны, что армия, несколько лет сражавшаяся против прусскою короля и в пользу Марии-Терезии³⁵, находила чрезвычайно странным, что должна обращать теперь оружие против нее; неудовольствие в армии было всеобщее, и я поняла, что сам князь склоняется скорей на нашу сторону. Я

** Он недавно был выпущен из Петропавловской крепости, куда его посадил Петр III. Он писал очень свободно и красноречиво, и я думала назначить его секретарем императрицы на первое время, когда настанет необходимость быстро издавать манифесты, указы и т. п.

* Вследствие невольного предательства одного солдата: думая, что капитан Измайлов (Измайлов Петр Иванович — капитан Преображенского полка, впоследствии действительный тайный советник.) принадлежит к числу заговорщиков, он передал ему слышанное им от капитана Пассека. Пассека арестовали, и, так как заговор оказался открытым, я ускорила события и вызвала императрицу в город.

сообщила это графу Панину, и нам было уже легко убедить его принять деятельное участие в перевороте или по меньшей мере появиться при развязке.

Я через день ездила в свое имение, или, скорей, на мое болото, чтобы в одиночестве записать некоторые мои мысли, представлявшиеся мне не вполне ясными. Эти постоянные поездки убедили всех, что я была поглощена исключительно украшением и обработкой своей земли.

Я довольно часто получала известия от императрицы; она была здорова и покойна; впрочем, ей не о чем было тревожиться, так как она, как и мы все, не подозревала, что развязка так близка. Петр III усиливал отвращение, которое к нему питали, и вызывал всеобщее глубокое презрение к себе своими законодательными мерами. В царствование императрицы Елизаветы народы Сербии и та часть их, которая нашла убежище в Австрии, некоторые венгерцы и другие народы, исповедовавшие греческую веру, отправили к императрице депутатов с просьбой отвести им землю в России и позволить им на ней поселиться, так как они не в силах были переносить долее притеснения, которым подвергало их всемогущее в царствование Марии-Терезии католическое духовенство. Хотя ее величество чувствовала большую симпатию к Марии-Терезии, но ею руководило и религиозное чувство, заставившее ее взять под свое покровительство православных, гонимых за веру; им отвели великолепные земли на юге России и дали денег на переселение и на формирование нескольких гусарских полков.

Одни из депутатов, некто Хорват, сумел втереться в доверие высших должностных лиц. Деньги были доверены ему. Когда несколько тысяч сербов переселились на назначенные им земли, получившие название «Новой Сербии», Хорват стал обращаться с ними, как с рабами, и присвоил себе следуемые им деньги. Эти несчастные довели свои жалобы до императрицы, которая послала генерала князя Мещерского исследовать их на месте; но болезнь Елизаветы, другие более важные дела и, наконец, смерть императрицы воспрепятствовали Сенату высказаться окончательно по поводу этого дела. По смерти императрицы Хорват приехал в Петербург и подарил по две тысячи дукатов каждому из трех вельмож, которые казались ему самыми влиятельными, а именно: Льву Нарышкину, бывшему в фаворе благодаря своему шутовству, генералу Мельгунову и генерал-прокурору Глебову³⁶. Последние два сообщили об этом Петру III. Он похвалил их за то, что они не скрыли от него полученного ими подарка, потребовал себе половину и на следующий день сам отправился в Сенат и разрешил дело в пользу Хорвата; таким образом Россия лишилась сотни тысяч жителей, которые переселились бы к нам, если бы знали, что их соотечественники пользуются обещанным спокойствием.

Узнав, что Нарышкин также получил деньги от Хорвата, Петр III отнял у него всю сумму, не оставив ему и половины, как остальным двум, и несколько дней подряд издевался над ним, спрашивая его, куда он дел полученные им деньги.

Подобные поступки заклеями бы позором всякое частное лицо. Насколько же эта шутка, вскоре ставшая известной всему городу, увеличила

всеобщее презрение к государю! Насмешки над императором и его недостойным шутком Львом Нарышкиным стали всеобщими.

Несколько дней спустя он позволил себе невероятную выходку перед всем Измайловским полком.

Фельдмаршал граф Разумовский, бывший его шефом, был принужден, хотя он и не был военным, наравне с другими развернуть полк и произвести ему учение в присутствии государя; Петр III остался доволен войсками. Все были оживлены, и обед обещал быть очень веселым, как вдруг Петр III заметил, что его арап дерется с кем-то в некотором расстоянии от него. Это его сперва позабавило, но, когда ему сказали, что арап дерется с профосом полка³⁷, он был положительно удручен.

— Нарцисс потерян для нас! — воскликнул он.

Никто не понимал его слов, и Разумовский попросил объяснений.

— Разве вы не знаете, — ответил государь, — что уж ни один военный не может терпеть его в своем обществе, так как тот, к кому прикоснулся профос, опозорен навсегда.

Граф Разумовский, делая вид, что разделяет предрассудки императора, предложил ему накрыть арапа полковым знаменем. Петр III, обрадовавшись, расцеловал графа за его прекрасную идею. Прекрасное расположение духа вернулось к нему, и он велел позвать своего арапа.

— Знаешь ли ты, — сказал он ему, — что ты был потерян для нас, так как ты опозорен прикосновением профоса?

Нарцисс (кажется, его звали так), ничего не понимая в этой чепухе, утверждал, что он храбро защищался и хорошо проучил негодяя, ударившего его. Он стал протестовать еще более, когда ему объявили, что его три раза накроют знаменем и тем очистят от позора. Чтобы совершить над ним этот очистительный обряд, его пришлось держать; но император этим не ограничился; он приказал уколоть его пикой, которой заканчивалось знамя, чтобы он кровью своею смыл свой позор.

Нарцисс кричал и бранился, а офицеры испытывали настоящие муки, не дерзая смеяться, так как император смотрел на эту шутовскую сцену как на торжественную и необходимую церемонию.

Легко себе представить, какие чувства он возбуждал во всем обществе подобными нелепыми выходками.

Мой отец не играл никакой роли при дворе; хотя государь и оказывал знаки внимания моему дяде канцлеру, но не руководствовался ни его советами, ни правилами здравой политики, которых он и не слушал.

С. 71–79.

Поутру быть первым капралом на вахтпараде, затем плотно пообедать, выпить хорошего бургундского вина, провести вечер со своими шутами и несколькими женщинами и исполнять приказания прусского короля — вот что составляло счастье Петра III, и все его семимесячное царствование представляло

из себя подобное бессодержательное существование изо дня в день, которое не могло внушать уважения. Его разбирало нетерпение отвоевать у датского короля клочок земли, на который он заявлял свои права, и он не захотел даже дожидаться коронации, чтобы начать войну.

После отъезда двора в Петергоф и Ораниенбаум у меня было больше свободного времени. Я уж не проводила своих вечеров у императора и была счастлива, что остаюсь в Петербурге. Наружно все было спокойно, только некоторые гвардейские солдаты с нетерпением ожидали действий.

Опасаясь, что их внезапно отправят в Данию, они тревожились насчет императрицы; офицеры нашей партии наблюдали за ними и с трудом их сдерживали. Я велела им передать, что получаю каждый день известия от императрицы и уведомяю их, когда надо будет действовать.

Дела оставались в таком положении вплоть до 27 июня, являющегося днем, навсегда памятным для России и исполненным трепета и радости для заговорщиков, так как их мечты наконец осуществились; за несколько часов до переворота никто из нас не знал, когда и чем кончатся наши планы; в этот день был разрублен гордиев узел, завязанный невежеством, несогласием мнений насчет самых элементарных условий готовящегося великого события, и невидимая рука провидения привела в исполнение нестройный план, составленный людьми, не подходящими друг к другу, недостойными друг друга, не понимающими друг друга и связанными только одной мечтой, служившей отголоском желания всего общества. Они именно только мечтали о перевороте, боясь углубляться и разбирать собственные мысли, и не составили ясного и определенного проекта. Если бы все главари переворота имели мужество сознаться, какое громадное значение для его успеха имели случайные события, им пришлось бы сойти с очень высокого пьедестала. О себе я должна сказать, что угадав — быть может, раньше всех — возможность низвергнуть с престола монарха, совершенно неспособного править, я много над этим думала, насколько восемнадцатилетняя головка вообще способна размышлять, но, сознаюсь, ни мое изучение подобных примеров в истории, ни мое воображение, ни размышления никогда бы не дали тех результатов, к которым привел арест Пассека.

27 июня после полудня Григорий Орлов³⁸ пришел сообщить мне об аресте капитана Пассека. Еще накануне Пассек был у меня с Бредихиным и, рассказав, с каким нетерпением гренадеры ждут низвержения с престола Петра III, выразил мнение, что стоило только повести их в Ораниенбаум и разбить голштинцев, чтобы успех был обеспечен и переворот был бы завершен. Он добавил, что слухи об опасностях, которым подвергалась императрица, волновали их до такой степени, что скоро их невозможно будет сдержать, и это брожение среди них, разоблачая наш план, подвергало нас страшной опасности. Я поняла, что эти господа слегка трусят, и, желая доказать, что не боюсь разделить с ними опасность, попросила их передать солдатам от моего имени, что я только что получила известие от императрицы, которая спокойно живет себе в Петергофе, и

что советую и им держать себя смирно, так как минута действовать не будет упущена.

Пассек и Бредихин в тот же день и говорили в этом смысле с солдатами, что чуть не погубило все дело и побудило майора Преображенского полка, Воейкова, арестовать капитана Пассека.

Когда Орлов прибежал сообщить мне эту тревожную весть (не зная ни причины, ни подробностей ареста), у меня находился мой дядя Панин. Вследствие ли того, что по своему холодному и неподвижному характеру он не видел в этом столько трагического, как я, потому ли, что он хотел скрыть от меня размеры опасности, но он невозмутимо стал уверять меня в том, что Пассек, вероятно, арестован за какое-нибудь упущение по службе. Я сразу увидела, что каждая минута была дорога и что придется много потратить времени, пока удастся убедить Панина в том, что настал момент решительных действий. Я согласилась с ним, что Орлову следует прежде всего отправиться в полк, чтобы узнать, какого рода аресту подвергнут Пассек, чтоб сразу можно было определить, задержан ли он как провинившийся офицер или как преступник. Орлов должен был сообщить мне, что окажется, а — если дело серьезно — кто-нибудь из его братьев должен был известить Панина.

Тотчас же после ухода Орлова я объявила, что сильно нуждаюсь в отдыхе, и попросила дядю извинить, если попрошу его меня оставить. Он немедленно ушел, и я, не теряя ни минуты, накинула на себя мужскую шинель и направилась пешком к улице, где жили Рославлевы*.

Не прошла я и половины дороги, как увидела, что какой-то всадник галопом несется по улице. Меня осенило вдохновение, подсказавшее мне, что это один из Орловых. Из них я видела и знала одного только Григория. Не имея другого способа остановить его, я крикнула: «Орлов!»³⁹ (будучи, бог весть почему, твердо убеждена, что это один из них). Он остановился и спросил: «Кто меня зовет?». Я подошла к нему и, назвав себя, спросила его, куда он едет и не имеет ли он что сказать мне.

— Я ехал к вам, княгиня, чтобы сообщить вам, что Пассек арестован как государственный преступник; у его дверей стоят четыре солдата, и у каждого

* Я должна оговориться, что накануне солдаты, получив откуда-то ложные известия, будто императрицу хотят увезти из Петербурга куда-то очень далеко, собрались было идти выручать ее; их офицерам стоило большого труда их удержать, и им это, пожалуй, не удалось бы, если бы я не разрешила им сказать солдатам, что в тот же день имела сведения о ней и сообщу им, когда придется действовать. Однако, не рассчитывая на то, что офицерам удастся удержать солдат, я написала госпоже Шкуриной, жене камердинера императрицы, чтобы она немедленно же послала своему мужу в Петергоф наемную карету, запряженную четверней, и сообщила бы ему, что я прошу его задержать карету, не выпрягая лошадей, чтобы в случае надобности императрица могла ею воспользоваться для приезда в Петербург, так как ей, конечно, нельзя было бы взять придворную карету. Панин, думая, что событие совершится в отдаленном будущем, признал эту меру совершенно ненужной; однако, не будь этой кареты, бог весть, осуществились ли бы наши планы, так как заведующий дворцом в Петергофе, Измайлов, не отличался преданностью императрице и воспрепятствовал бы ее бегству, в случае если бы она спросила у него карету.

окна по одному. Мой брат поехал возвестить это графу Панину, а я уже был у Рославлева.

— Рославлев очень встревожен? — спросила я.

— Немного, — ответил он. — Но что же вы стоите на улице, княгиня? Позвольте проводить вас до дому.

— Да никого здесь нет, — возразила я. — Кроме того, не надо, чтобы мои люди видели вас у меня. Впрочем, наш разговор будет непродолжителен. Скажите Рославлеву, Ласунскому, Черткову⁴⁰ и Бредихину, чтобы, не теряя ни минуты, они отправлялись в свой Измайловский полк и что они должны встретить там императрицу (это первый полк на ее пути), а вы или один из ваших братьев должны стрелой мчаться в Петергоф и сказать ее величеству от меня, чтобы она воспользовалась ожидающею ее наемной каретой и безотлагательно приехала в Измайловский полк, где она немедленно будет провозглашена императрицей; скажите ей также, что необходимо спешить и что я даже не пишу ей, чтобы вас не задерживать; сообщите ей, что я остановила вас на улице и умоляла вас ускорить приезд императрицы; тогда она поймет необходимость своего немедленного прибытия. Прощайте, я, может быть, сегодня ночью выеду навстречу ей.

Когда я вернулась домой, взволнованная и тревожная, мне было не до сна. Моя горничная объявила мне, что портной не принес еще мужского костюма, что меня очень раздосадовало; для успокоения моих людей я легла и отпустила их. Не прошло и часу времени, как я услышала стук в ворота. Я соскочила с постели и, выйдя в другую комнату, приказала впустить посетителя. То был каком-то незнакомый мне видный молодой человек, оказавшийся четвертым братом Орловым⁴¹. Он пришел меня спросить, не слишком ли рано вызывать в Петербург императрицу, не испугаем ли мы ее понапрасну. Я была вне себя от гнева и тревоги, услышав эти слова, и выразилась очень резко насчет дерзости его братьев, медливших с исполнением моего приказания, данного Алексею Орлову.

— Теперь не время думать об испуге императрицы, — воскликнула я, — лучше, чтобы ее привезли сюда в обмороке и без чувств, чем, оставив ее в Петергофе, подвергать ее риску быть несчастной всю жизнь или взойти вместе с нами на эшафот. Скажите же вашему брату, чтобы он карьером скакал в Петергоф и немедленно привез императрицу, пока Петр III не прислал ее сюда, последовав разумным советам, или сам не приехал в Петербург и не разрушил навсегда того, что, кажется, само провидение устроило для спасения России и императрицы.

Он оставил меня, убежденный моими доводами и ручаясь за точное исполнение его братом моих предписаний.

После его ухода я погрузилась в самые грустные размышления, и мое воображение рисовало мне мрачные картины.

В шесть часов утра я приказала горничной приготовить мне парадное платье. Узнав, что ее величество приехала в Измайловский полк, единогласно провозгласивший ее императрицей, затем отправилась в Казанский собор, куда

собрались все гвардейские и армейские полки, чтобы принести ей присягу, я поехала в Зимний дворец, куда должна была прибыть и императрица. Перо мое бессильно описать, как я до нее добралась; все войска, находившиеся в Петербурге, присоединившись к гвардии, окружали дворец, запрудив площадь и все прилегающие улицы. Я вышла из кареты и хотела пешком пройти через площадь; но я была узнана несколькими солдатами и офицерами, и народ меня понес через площадь высоко над головами. Меня называли самыми лестными именами, обращались ко мне с умиленными, трогательными словами и провожали меня благословениями и пожеланиями счастья вплоть до приемной императрицы, где и оставили меня, *comme une manchette perdue**. Платье мое было помято, прическа растрепалась, но своим кипучим воображением я видела в беспорядке моей одежды только лишнее доказательство моего триумфа; не имея времени привести в порядок свой туалет, я предстала в таком виде перед императрицей.

Мы бросились друг другу в объятия. «Слава богу! Слава богу!» — могли мы только проговорить. Затем императрица рассказала мне, как произошло ее бегство из Петергофа, а я в свою очередь сообщила ей все, что знала, и сказала, что, несмотря на свое сильное желание, я не могла выехать ей навстречу, так как мой мужской костюм не был еще готов.

Вскоре я заметила, что на ней была лента ордена св. Екатерины и что она еще не надела голубой андреевской ленты**. Подбежав к графу Панину, я попросила его снять свою ленту и одела ее на плечо императрицы. Так как при ней не было камеристки, она попросила меня спрятать в карман ее екатерининскую ленту. Мы должны были, наскоро пообедав, отправиться в Петергоф во главе войск. Императрица должна была одеть мундир одного из гвардейских полков; я сделала то же самое; ее величество взяла мундир у капитана Талызина, а я у поручика Пушкина, так как они были приблизительно одного с нами роста.

С. 81–90.

Действительно, Петр III обнаружил большую нерешительность и не последовал совету фельдмаршала Миниха⁴², который был при нем. Он поехал в Петергоф, затем вернулся в Ораниенбаум и наконец, согласившись с мнением нескольких приближенных, решил отправиться в Кронштадт, чтобы овладеть крепостью и флотом. Но он приехал в Кронштадт, когда адмирал Талызин, посланный императрицей, уже принял командование над флотом. Он не позволил Петру высадиться, так что тот принужден был вернуться в

* Как потерянную манжету (франц.).

** Супруга императора не носила голубой ленты и имела только лепту ордена св. Екатерины, учрежденного Петром I для своей жены. Павел I впервые пожаловал его своей супруге, а Александр I (Александр I (1777–1825) — российский император с 1801 г., старший сын Павла I. В начале правления провел умеренно-либеральные реформы. Его жена — Елизавета Алексеевна (1779–1826).), следуя его примеру, дал его императрице Елизавете.

Ораниенбаум, откуда и отправил генерала Измайлова к императрице с весьма покорными заявлениями и с предложением, что он откажется от престола.

Измайлов встретил нас по дороге в Петергоф. Он держал нам иную речь, чем мой дядя канцлер, подоспевший к нам, когда мы выезжали из города: канцлер старался образумить императрицу, но, видя, что ему это не удастся, отказался присягать ей, уверяя ее, что ничего не предпримет против нее, по вместе с тем не изменит присяге, данной им Петру III. Он попросил императрицу приставить к нему офицера, чтобы тот был свидетелем всего, что происходит у него в доме, и вернулся в Воронцовский дворец⁴³ с спокойствием, неразлучным с величием души. Я тем более преклонялась перед достойным поведением дяди, что я знала, как мало он уважал императора и насколько он, как истинный патриот, скорбел о неспособности государя управлять Россией и о печальных последствиях, сопряженных с его неумелостью и беспечностью.

Императрица отослала Измайлова к государю, прося его убедить Петра III сдать, чтобы предупредить неисчислимы бедствия, которые в противном случае нельзя будет предотвратить; она обязалась устроить ему приятную жизнь в каком-нибудь выбранном им самим дворце, в отдалении от Петербурга, и исполнять по мере возможности все его желания.

Недалеко от Свято-Троицкого монастыря нас встретил вице-канцлер, князь Голицын, с письмом от императора; каждую минуту наше шествие увеличивалось, так как к нему присоединялись ежеминутно лица, добровольно покидавшие императора.

Ораниенбаум находится всего в девяти верстах от Петергофа, так что Петр III приехал туда вскоре после нашего прибытия. Его сопровождали генерал Измайлов и генерал-адъютант Гудович. Императора провели в отдаленные апартаменты, так что его почти никто не видел, подали ему обед, и затем он уехал в Ропшу, принадлежавшую ему еще в бытность его великим князем. Он избрал ее предпочтительно перед всеми другими дворцами. Ему сопутствовали Алексей Орлов, капитан Пассек, князь Федор Барятинский и поручик Преображенского полка Баскаков, которым императрица поручила охранять особу государя. Я не видела его, хотя у меня была к тому возможность, но мне говорили, что он ел с аппетитом и, как всегда, пил много своего любимого бургундского вина.

Он написал два или три письма своей августейшей супруге. Я упомяну только то из них, в котором он ясно и определенно формулировал свое отречение от престола. Затем, указав несколько лиц, которых желал бы видеть около себя, он просил императрицу назначить их состоящими при нем и не забыл переименовать, какие припасы хотел бы иметь, между прочим бургундского вина, трубок и табаку.

Однако довольно об этом несчастном государе, которого судьба поставила на пьедестал, не соответствовавший его натуре. Он не был зол, но ограниченность его ума, воспитание и естественные наклонности выработали из него хорошего прусского капрала, а не государя великой империи.

С предыдущего дня я все время была на ногах; но я чувствовала усталость только, когда сидела или стояла, до такой степени напряжение умственной, духовной жизни подавляло все физические ощущения. Мне постоянно приходилось бегать с одного конца дворца в другой и спускаться к гвардейцам, охранявшим все входы и выходы. Побывав у принцессы голштинской (родственницы императрицы), я возвращалась к государыне, чтобы спросить, не примет ли она ее. Каково было мое удивление, когда в одной из комнат я увидела Григория Орлова, лежавшего на канаве (он ушиб себе ногу) и вскрывавшего толстые пакеты, присланные, очевидно, из совета; я их узнала, так как видела много подобных пакетов у моего дяди в царствование императрицы Елизаветы. Я спросила его, что он делает.

— Императрица повелела мне открыть их, — ответил он.

— Сомневаюсь, — заметила я, — эти пакеты могли бы оставаться нераспечатанными еще несколько дней, пока императрица не назначила бы соответствующих чиновников; ни вы, ни я не годимся для этого.

Затем я была принуждена выйти к солдатам, которые, изнемогая от жажды и усталости, взломали один погреб и своими киверами черпали венгерское вино, которое принимали за легкий мед; мне удалось уговорить солдат вылить вино из киверов и вкатить бочки обратно в погреб и послать за водой; я была поражена этим доказательством их привязанности и доверия ко мне, тем более что их офицеры до меня безуспешно останавливали их. Я раздала им остаток сохранившихся у меня денег* и вывернула карманы, чтобы показать, что у меня нет больше денег. Всего было сто шестьдесят рублей, то есть шестнадцать золотых империалов; я обещала, что по возвращении их в город им дадут водки на счет казны и что все кабаки будут открыты. Посетив другие кордегардии, я раздала дукаты, оставшиеся у меня в особом кармане. И там мои убеждения привели к желаемому результату.

Возвратившись во дворец, я увидела, что в той же комнате, где Григорий Орлов лежал на канаве, был накрыт стол на три куверта. Я прошла, не показывая вида, что я это заметила. Вскоре ее величеству доложили, что обед подан; она пригласила и меня, и я, к своему огорчению, увидела, что стол был накрыт у того самого канаве. Моя грусть или неудовольствие (скорей, и то и другое, так как я искренне любила императрицу), очевидно, отразились на моем лице, потому что государыня спросила меня, что со мной.

— Я сильно устала и не спала вот уже пятнадцать дней, — ответила я.

Затем она меня попросила поддержать ее против Орлова, который, как она говорила, настаивал на увольнении его от службы.

— Подумайте, какую я выказала бы неблагодарность, если бы согласилась исполнить его желание.

* Я не просила и не получала денег от императрицы; тем менее приняла бы я их от французского министра, как то уверяли некоторые писатели. Мне их предлагали и открывали огромный кредит; но я неизменно отвечала, что, с моего ведома и согласия, никакие иностранные деньги, от какой бы державы они ни исходили, не будут употреблены на поддержание переворота.

Мой ответ был вовсе не таков, какого она желала бы. Я сказала, что теперь она имеет возможность вознаградить его всевозможными способами, не принуждая его оставаться на службе. С той минуты я поняла, что Орлов был ее любовником, и с грустью предвидела, что она не сумеет этого скрыть.

После обеда и отъезда Петра III мы отбыли из Петергофа и остановились на несколько часов на даче князя Куракина. Мы легли с императрицей вдвоем на единственную постель, которая нашлась в доме. Затем мы остановились в Екатерингофе*, где нас встретила бесчисленная толпа народа, поджидавшего нас, чтобы стать на нашу сторону в случае сражения между нашими войсками и голштинцами, пользовавшимися всеобщей ненавистью.

Въезд наш в Петербург невозможно описать. Улицы были запружены ликующим народом, благословлявшим нас; кто не мог выйти — смотрел из окон. Звон колоколов, священники в облачении на паперти каждой церкви, полковая музыка производили неопишное впечатление. Я была счастлива, что революция завершилась без пролития и капли крови; желание поскорей увидеть моего отца, дядю и дочь, множество чувств, обуревавших меня, невероятное физическое напряжение, которое я испытала в восемнадцать лет при моем слабом здоровье и необычайной впечатлительности, — все это повергало меня в лихорадку, которая не позволяла мне ни видеть, ни слышать, ни тем более наблюдать происходившее вокруг меня.

Приехав в Летний дворец, я не дала императрице войти в свои апартаменты и тут же в сенях попросила у нее позволения пересесть в ее дорожную карету, следовавшую за нами, и поехать навестить моих родных и дочь. Ее величество разрешила мне это и любезно попросила меня вернуться поскорей. Дворец моего дяди был неподалеку, так что я прежде всего заехала к нему.

Я нашла его совершенно здоровым и спокойным. Он говорил мне о низложении Петра III как о факте, которого он давно ожидал и который предвидел. Затем начал философствовать насчет «дружбы государей», которая вообще не отличается стойкостью и искренностью, уверяя, что он лично в том убедился, так как чистота его намерений и взглядов не спасла его от ядовитых стрел интриги и зависти в царствование императрицы, к которой он был привязал смолоду и которая многим была ему обязана.

От него я отправилась к отцу; он был очень взволнован; к нему для охраны был приставлен офицер, на случай если бы в двух гвардейских полках, расположенных по соседству с его домом, возникли какие-нибудь беспорядки; этот офицер, по фамилии Какавинский** (впоследствии его признали сумасшедшим), под предлогом, что у отца было много челяди, задержал в его

* Дворец Екатерингоф был построен Петром I в 1711 г. на островке, отделяемом речками Черной (будущей Екатерингофкой) и Таракановкой от Финского залива, на месте первой одержанной им победы 6 мая 1703 г. Петр I подарил дворец своей жене Екатерине Алексеевне и назвал его Екатерингофом (т. е. двором Екатерины). При Екатерине II был увеличен Екатерингофский парк.

** Впоследствии, во время нашего пребывания в Москве, Какавинский позволил себе публично отречься в католическом костеле от православной веры и перейти в католическую.

доме много солдат, нуждавшихся в отдыхе, так как мы оставили в городе только количество солдат, необходимое для смены караула во дворце и охраны великого князя Павла, остававшегося в городе со своим воспитателем. Входя во двор отцовского дома, я узнала ординарца подполковника Вадковского, командовавшего всеми гвардейцами, остававшимися в городе во время нашего отсутствия. Он пришел требовать тридцать солдат, совершенно ненужных в доме моего отца, которыми необходимо было сменить часовых, остававшихся на своих постах двойное против обыкновенного количество времени. Я объявила Какавинскому, что он должен исполнить требование Вадковского, что нет никакой надобности охранять дом моего отца сотней солдат. Войдя в комнату и увидев по солдату у каждой двери, я объяснила ему, что он неверно понял желание императрицы и ее инструкции, в силу которых он должен был находиться в доме для охраны отца, а не для того, чтобы держать его под арестом, как государственного преступника. Я объявила солдатам, что их напрасно мучили и что только десять или двенадцать человек должны остаться в доме впредь до нового распоряжения.

Мой отец принял меня без малейшего гнева, но выразил свою досаду по поводу того, что его двадцать четыре часа продержали под стражей, как государственного преступника, и жаловался на присутствие в доме моей сестры, графини Елизаветы. Я уверила его, что первая неприятность произошла по глупости Какавинского и что к ночи не останется ни одного солдата в доме. Что же касается второго, то я просила его принять во внимание настоящее положение моей сестры, вследствие которого его дом представлялся единственным приличным и естественным убежищем для нее, и что со временем их обоюдное желание не жить под одной кровлей, несомненно, будет приведено в исполнение с сохранением приличий. Отец не хотел меня отпускать, но я ему объяснила, что должна навестить сестру, затем вернуться к себе, повидаться с дочерью и снять свой военный мундир; притом же императрица просила меня поскорей вернуться к ней. Он с трудом разрешил мне пойти к сестре: он никогда не чувствовал особенной нежности к ней, а полное невнимание к нему с ее стороны в царствование Петра III, когда он представлял из себя ноль без всякого влияния, не послужило к улучшению их отношений. В комнате моей сестры мне пришлось выслушать длиннейшую жалобу. Я уверила сестру в моей нежности к ней и сказала, что не говорила еще с императрицей о ней, потому что была убеждена, что у государыни были самые благожелательные и великодушные намерения по отношению к ней и что все возможное будет для нее сделано. Действительно, императрица потребовала только ее отсутствия во время коронационных торжеств и несколько раз присылала ей сказать, что не оставит ее. Через несколько времени моя сестра отправилась в имение моего отца, неподалеку от Москвы. Когда двор покинул Москву, она жила постоянно в Москве вплоть до своей свадьбы с Полянским, когда переселилась в Петербург, где ее муж владел домами и именьями; ее величество была восприемницей ее сына. По возвращении своем из-за границы я упросила императрицу сделать ее дочь фрейлиной.

С. 93.

Я забыла упомянуть, что на обратном пути из Петергофа в Петербург мы сели в карету, чтобы немного отдохнуть; с нами были граф Разумовский и князь Волконский. Ее величество спросила меня, что она может для меня сделать, чтобы отблагодарить меня. «Доставьте счастье моей родине, — ответила я, — и сохраните добрые чувства ко мне — тогда я буду совсем счастлива». — «Но это ведь мой прямой долг, — возразила она, — а я хочу облегчить тяжесть, которую чувствую». — «Я не думала, что дружественные услуги окажутся для вас тягостными». — «Словом, — ответила императрица, целуя меня, — просите у меня, чего хотите; я не буду покойна, если вы мне тут же не укажете, что я могу сделать, чтобы доставить вам удовольствие». — «В таком случае воскресите моего дядю, который не умер». — «Это загадка», — сказала государыня. — «Князь Волконский ее вам разрешит», — возразила я; я просила этой милости не для себя, все-таки, мне это было неприятно. Волконский рассказал императрице, что генерал Леонтьев, родной дядя моего мужа, отличившийся в войне с пруссаками, благодаря капризам своей жены был лишен седьмой части своих поместий и четвертой части движимости и капитала, которые ей следовало бы получить только после его смерти. Петр III тем охотнее согласился на эту несправедливость, что он относился неприязненно ко всем генералам, действовавшим успешно против пруссаков. Императрица, признав справедливость моей просьбы, обещала, что в одном из первых указов, подписанных ею, восстановит права моего дяди. «Вы меня этим очень обрадуете, ваше величество, так как генерал Леонтьев — единственный и любимый брат моей свекрови». Я была весьма довольна, что имела возможность доказать матери моего мужа мою привязанность к ее семье и вместе с тем уклонилась от наград, претивших моему нравственному чувству. На следующий день Панин получил графский титул и пять тыс. рублей пенсии; князь Волконский и граф Разумовский получили ту же пенсию. Остальные заговорщики первого разряда получили по шестьсот душ или взамен их двадцать четыре тыс. и две тыс. рублей пенсии. К моему удивлению, я была причислена к этому разряду. Я не воспользовалась разрешением взять земли или деньги, твердо решив не трогать этих двадцати четырех тыс. рублей. Некоторые из участников переворота не одобряли моего бескорыстия, так что, для того чтобы прекратить дальнейшие толки и не возбуждать неудовольствия императрицы, я велела составить список долгов моего мужа и назначила эту сумму для выкупа векселей по обязательствам, данным моим мужем своим кредиторам, что и было исполнено кабинетом ее величества.

С. 96–102.

Петербургский двор был очень интересен в это время. Появилось множество лиц, выдвинутых переворотом, и других, возвращенных из ссылки,

куда они были отправлены еще во времена императрицы Анны, регентства Бирона⁴⁴ и царствования Елизаветы. Они были вызваны еще Петром III и возвращались постепенно из более или менее отдаленных мест, так что каждый день их появлялось несколько человек. Это были живые иллюстрации прежних времен, приобретшие особый интерес пережитыми ими превратностями судьбы и знавшие множество кабинетных и дворцовых тайн. Наконец вернулся и бывший канцлер, знаменитый граф Бестужев⁴⁵. Сама императрица представила нас друг другу, и у нее вырвалась фраза, которую Орловы охотно затушевали бы, если бы это было возможно:

— Вот княгиня Дашкова! Кто бы мог подумать, что я буду обязана царским венцом молодой дочери графа Романа Воронцова!

Современные французские писатели, лишаящие нас утешения и пользы от изучения истории тем, что нагромождают целый ворох лжи, уверяют, что я интриговала против Петра III вместе с графом Бестужевым. Между тем он был сослан, когда мне не было и четырнадцати лет. Он был врагом моего дяди, так что я видела его всего один раз, и то издали. Меня поразило его умное лицо и тонкое фальшивое выражение; я спросила, кто это такой, и таким только образом узнала его имя.

Фельдмаршал Миних и Лесток⁴⁶ — последнего я часто видала в детстве в доме моего дяди, которому он был близок, — казались мне живыми мемуарами; в их рассказах я почерпала знание человеческого сердца, представлявшегося мне раньше в розовом свете. Миних был почтенный старец; у него были внуки (дочери его сына) старше меня, и он полюбил меня. Его просвещенный ум, твердость его характера и утонченно вежливое обращение, свойственное старинным вельможам (резко отличавшимся от некоторых наших заговорщиков), делали из него очень приятного и интересного собеседника. Эта картина, поражая быстрыми появлениями новых лиц и их противоположностями, заставляла меня размышлять и укрепляла мой ум.

Вскоре прибыло другое лицо, которое, может быть невольно и даже само того не подозревая, сделалось источником первых испытанных мной жгучих огорчений, против которых бессильно мужество, свойственное женщинам. То была первая камеристка императрицы, в бытность ее великой княгиней. Она была сослана одновременно с графом Бестужевым и, как говорят, была в дружеских отношениях с моей матерью. Она была дворянского происхождения и отличалась большим природным умом; ею воспользовались как орудием, чтобы оклеветать меня перед отцом; однако об этом после*.

* Когда получилось известие о смерти Петра III, я была в таком огорчении и негодовании, что, хотя сердце мое и отказывалось верить, что императрица была сообщницей преступления Алексея Орлова, я только на следующий день превозмогла себя и поехала к ней. Я нашла ее грустной и растерянной, и она мне сказала следующие слова: «Как меня взволновала, даже ошеломила эта смерть!» — «Она случилась слишком рано для вашей славы и для моей», — ответила я. Вечером в апартаментах императрицы я имела неосторожность выразить надежду, что Алексей Орлов более чем когда-либо почувствует, что мы с ним не можем иметь ничего общего, и отныне не посмеет никогда мне даже кланяться. Все братья Орловы стали с тех пор

Возвращение моего мужа и кровопускание, которому я принуждена была себя подвергнуть, вскоре успокоили мои нервы и мою кровь. Мы переехали в апартаменты, приготовленные для нас во дворце. Мы обедали у императрицы; а так как государыня не ужинала, то нам подавали ужин на нашей половине, и мы приглашали к нему всегда от десяти до двенадцати персон. Мой муж получил командование кирасирским полком, в котором сама императрица числилась полковником.

Этот полк при императрице Елизавете и Петре III был полон немцев. Ее величество пожелала, чтобы командовал им русский вельможа; это назначение доставило большое удовольствие Дашкову; он привлек в полк молодых русских дворян; солдаты и офицеры его боготворили, и он не жалел расходов на лошадей и пр., чтобы сделать свой полк самым блестящим из всей кавалерии.

Поручик Михаил Пушкин служил в одном полку с моим мужем. Он был очень умен и благодаря его тонкому уму и остроумной беседе пользовался большим успехом среди молодежи. Между ним и моим мужем установились

моими непримиримыми врагами, но Алексей по возвращении из Ропши, несмотря на свое нахальство, в продолжение двадцати лет ни разу не осмелился со мной заговорить.

Если бы кто-нибудь заподозрил, что императрица повелела убить Петра III или каким бы то ни было образом участвовала в этом преступлении, я могла бы представить доказательства ее полной непричастности к этому делу: письмо Алексея Орлова, тщательно сохраненное ею в шкатулке, вскрытой Павлом после ее смерти. Он приказал князю Безбородко (Безбородко Александр Андреевич (1737–1799) — государственный деятель и дипломат. С 1775 г. — секретарь Екатерины II, с 1783 г, фактически руководил российской внешней политикой, с 1797 г. — канцлер.) прочесть бумаги, содержащиеся в шкатулке, и когда он прочел вышеупомянутое письмо, Павел перекрестился и сказал: «Слава богу! это письмо рассеяло и тень сомнения, которая могла бы еще сохраниться у меня». Оно было написано собственноручно Алексеем Орловым; он писал как лавочник, а тривиальность выражений, бестолковость, объясняемая тем, что он был совершенно пьян, его мольбы о прощении и какое-то удивление, вызванное в нем этой катастрофой, придают особенный интерес этому документу для тех людей, кто пожелал бы рассеять отвратительные клеветы, в изобилии взводимые на Екатерину II, которая хотя и была подвержена многим слабостям, но не была способна на преступление. Пьяный, не помня себя от ужаса, Алексей отправил это драгоценное письмо ее величеству тотчас же после смерти Петра. Когда, уж после кончины Павла, я узнала, что это письмо не было уничтожено и что Павел I велел прочесть его в присутствии императрицы и послать Нелидовой (Нелидова Екатерина Ивановна (1756–1839) — фаворитка Павла I до 1798 г., камер-фрейлина императрицы Марии Федоровны, жены Павла I.) и показал его великим князьям и графу Ростопчину (Ростопчин Федор Васильевич (1763–1826) — генерал от инфантерии, московский главнокомандующий в 1812-1814 гг.), я была так довольна и счастлива, как редко в моей жизни (Речь идет о письме, напечатанном в XXI кн. «Архива кн. Воронцова» (с. 430) по копии, сообщенной Ф. В. Ростопчиным С. Р. Воронцову. Приводим текст этого письма: «Матушка милосердная Государыня! Как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему рабу, но как перед богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть; но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на Государя! Но, Государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князь Федором; не успели мы разнять, а его уж и не стало. Сами не помним, что делали; но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебе принес и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил: прогневили тебя и погубили души навек»).».

частые и фамильярные отношения, которые, пожалуй, можно было принять и за дружбу. По просьбе мужа я упростила французского посла при нашем дворе, маркиза Лопиталья, прекратить процесс, начатый против Пушкина первым французским негодьянтом в Петербурге, Гейнбером, и поддержанный запиской от того же посла. Дело было серьезно, так как Пушкин, вместо того чтобы заплатить негодьянту следуемые ему деньги, выгнал его вон из дому. В то время я была только еще невестой князя. Я видела маркиза каждый день в доме канцлера и путем настойчивых просьб мне удалось уговорить его написать командиру полка, майору князю Меншикову, что так как Гейнбер удовлетворен поручиком Пушкиным, он, французский посол, не изъявляет никаких дальнейших претензий и просит князя Меншикова прекратить дело и не беспокоить более Пушкина. Я привожу этот маленький инцидент, во-первых, чтобы обрисовать характер этого человека, ставшего причиной второй неосновательной придирки ко мне со стороны императрицы. Я в этих Записках не хочу ничего скрывать и расскажу о незначительных недоразумениях, происходивших между государыней и мной; из них станет ясно, что я никогда не впадала в немилость, как то утверждали некоторые писатели; она потому только не осыпала меня материальными благами, что ей было известно мое бескорыстие. Во-вторых, потому, что я без ложной скромности могу обнаружить и свое сердце, нетронутое среди придворной жизни, прощавшее и врагам и неблагодарным людям; я сама ничем не навлекла на себя их недоброежелательство, но мои всемогущие враги сумели обратить против меня и тех, кому я оказала серьезные услуги; это не помешало мне еще в течение сорока двух лет делать все добро, какое было в моей власти, часто немало стесняя себя в своих более чем скромных средствах. Наконец, у Пушкина (отец его потерял свое место и попал под суд за лихоимство в последние годы царствования императрицы Елизаветы) денежные дела были очень расстроены; отец не мог ему ничего давать; жалованье его было невелико, и мой муж великодушно выручал из денежных затруднений как его, так и его брата.

Еще в царствование Петра III Панин возымел мысль окружить своего воспитанника образованными молодыми людьми, знакомыми с иностранной литературой. Императрица как-то раз заговорила со мной об этом, и я указала на Михаила Пушкина, как на человека в этом случае вполне подходящего.

¹ По уточненным данным год рождения Е. Р. Дашковой — 1743.

² Петр III Федорович (1728–1762) — сын старшей дочери Петра I Анны и герцога голштин-готторпского Карла-Фридриха; 28 ноября 1741 г. объявлен наследником русского престола, в связи с чем был привезен 5 февраля 1742 г. в Петербург. Российский император с 1761 г. 28 июня 1762 г. был свергнут в результате переворота, организованного его женой Екатериной.

³ Воронцов Михаил Илларионович (1714–1767) — дядя Дашковой, русский государственный Деятель и дипломат, канцлер (1758–1762), друг и покровитель М.В. Ломоносова. Его жена Анна Карловна, урожденная Скавронская, была двоюродной сестрой императрицы Елизаветы Петровны

-
- ⁴ Мать Е. Р. Дашковой Марфа Ивановна Воронцова, урожденная Сурмина (1718–1745), происходила из богатой купеческой семьи.
- ⁵ Анна Иоанновна (1693–1740) — российская императрица (1730–1740), племянница Петра I.
- ⁶ Екатерина II Алексеевна (1729–1796), немецкая принцесса Софья Фредерика Августа Ангальт-Цербтская, была выдана замуж за Петра Федоровича; российская императрица с 1762 г.
- ⁷ Дашков Михаил-Кондратий Иванович (1736–1764) — камер-юнкер и вице-полковник лейб-гусарского полка, муж Е. Р. Дашковой.
- ⁸ Кампи — карточная игра, в которой каждый играющий имеет несколько игровых марок или фишек. Они заменяют игрокам деньги до окончательного расчета; у кого остается последняя марка — тот выигрывает.
- ⁹ Нарышкин Лев Александрович (1733–1799) — приближенный Петра III, с 1762 г. шталмейстер; Нарышкин Александр Александрович — камергер великого князя Петра Федоровича, впоследствии обер-гофмейстер.
- ¹⁰ Измайлов Михаил Михайлович (1719–1800) — с 1795 г. главнокомандующий в Москве и Московской губернии.
- ¹¹ Воронцова Елизавета Романовна — сестра Е. Р. Дашковой.
- ¹² Мельгунов Алексей Петрович (1722–1788) — генерал, с 1756 г. — адъютант великого князя Петра Федоровича, при Екатерине II — новороссийский губернатор, сенатор, с 1777 г. — ярославский и вологодский генерал-губернатор.
- ¹³ Гудович Андрей Васильевич (1731–1808) — генерал-аншеф, адъютант Петра III.
- ¹⁴ Унгерн-Штернберг Карл Карлович (1730–1799) — генерал-адъютант Петра III, позднее служил под начальством Румянцева.
- ¹⁵ Трубецкой Никита Юрьевич (1700–1767) — с 1740 г. генерал-прокурор Сената, с 1756 г. генерал-фельдмаршал.
- ¹⁶ Панин Никита Иванович (1718–1783) — русский государственный деятель и дипломат; с 1747 г. был посланником в Дании, Швеции; воспитатель Павла I; участник дворцового переворота 1762 г.; с 1763 г. возглавлял Коллегию иностранных дел; автор конституционных проектов; в 1781 г. вышел в отставку в знак протеста против политики Екатерины II и ее фаворитов.
- ¹⁷ Людовик XIV (1638–1715) — французский король (1643–1715), его правление — расцвет абсолютной монархии; по легенде, любимое его изречение: «Государство — это я».
- ¹⁸ Панин Петр Иванович (1721–1789) — генерал-аншеф, младший брат Н. И. Панина; участник Семилетней и русско-турецкой (1768–1774) войн. С июля 1774 г. командовал карательными войсками, действовавшими против Е. И. Пугачева.
- ¹⁹ Петр III заключил позорный мир с прусским королем Фридрихом II в 1762 г., перечеркнув все результаты побед русских войск в Семилетней войне (1756–1763): он возвратил Фридриху II все территории, занятые русской армией.
- ²⁰ Строганов (Строгонов) Александр Сергеевич (1733–1811) — зять канцлера М. И. Воронцова, доверенное лицо императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II, камергер, с 1775 г. — сенатор, с 1800 г. — президент Академии художеств и директор Публичной библиотеки в Петербурге. Жена — Анна Михайловна Воронцова (1743–1769).
- ²¹ Фридрих II (1712–1786) — прусский король с 1740 г.; в результате его завоевательной политики территория Пруссии почти удвоилась; установил в государстве деспотический режим.
- ²² Речь идет о том, что Петр III хотел начать войну с Данией, чтобы отвоевать Шлезвиг для герцогства Голштейн, герцогом которого он являлся.
- ²³ Пассек Петр Богданович (1736–1804) — участник дворцового переворота 1762 г., затем генерал-губернатор в польских провинциях.
- ²⁴ Бредихин Сергей Александрович (1744–1781) — капитан-поручик Преображенского полка, участник дворцового переворота 1762 г., впоследствии камергер.
- ²⁵ Рославлев Николай Иванович (1724–1785) — премьер-майор Измайловского полка, участник дворцового переворота 1762 г., затем генерал-поручик, с 1765 г. — в отставке.

²⁶ Суворов Александр Васильевич (1730–1800), граф Рымникский (1789), князь Итальянский (1799) — великий русский полководец, генералиссимус русской армии (1799).

²⁷ («Красный Кабак» находился около реки Красной, на дороге из Петербурга в Петергоф, с петровских времен был увеселительным местом гвардейских офицеров. Позднее часть Петергофской дороги называлась Краснокабакским шоссе; ныне на месте «Красного Кабака» (пр. Стачек, д. 103) находится дом, принадлежащий трамвайно-троллейбусному управлению.

²⁸ Репнин Николай Васильевич (1734–1801) — генерал-фельдмаршал (1796) и дипломат; в 1763–1769 гг. — посол в Польше, где заключил Варшавский договор в 1768 г.; участник русско-турецких войн и заключения мирных договоров 1774 и 1791 гг. Его жена Наталья Александровна, урожденная Куракина (1737–1797), была двоюродной сестрой мужа Е. Р. Дашковой.

²⁹ Куракин Борис-Леонтий Александрович (1733–1764) — генерал-поручик при Екатерине II (с 1761 г.), президент Камер-коллегии (с 1764 г.) и Коллегии экономии (с 1763 г.), сенатор, двоюродный брат мужа Е. Р. Дашковой (по П. И. Панину).

³⁰ Баскаков Михаил — капитан-поручик Преображенского полка, участник дворцового переворота 1762 г.

³¹ Барятинский Федор Сергеевич (1742–1814) — гвардейский офицер, обер-гофмаршал Петра III, участник переворота 1762 г.

³² Хитрово (Хитров) Федор Алексеевич — секунд-ротмистр лейб-гвардии конного полка, участник дворцового переворота 1762 г.; был выслан из Петербурга за протест против возвышения Г. Г. Орлова.

³³ Теплов Григорий Николаевич (1720–1779) — адъюнкт Академии наук в Петербурге, советник канцелярии, статс-секретарь Екатерины II, писатель, переводчик, сенатор (с 1775 г.).

³⁴ Волконский Михаил Никитич (1713–1786) — генерал-аншеф, отличился в Семилетней войне; в 1764 г. командовал корпусом, вступление которого в Польшу ускорило избрание в короли Станислава Понятовского.

³⁵ Мария-Терезия (1717–1780) — австрийская эрцгерцогиня (с 1740 г.), королева Венгрии и Чехии, великая герцогиня тосканская и римско-германская императрица. С 1765 г., после смерти своего супруга императора Франца I, Мария-Терезия назначила своим соправителем сына Иосифа II. В Семилетней войне (1756–1763) хотела отвоевать Силезию у Фридриха II, но потерпела не-удачу. Занималась о процветании наук и искусств.

³⁶ Глебов Александр Иванович (1722–1790) — генерал-прокурор Сената с 1761 по 1764 г., генерал-аншеф.

³⁷ Профосы, по законодательству Петра I, исполняли в войсках полицейские обязанности: наблюдали за чистотой в местах расположения войск, за арестантами, осуществляли телесные наказания и пр.

³⁸ Орлов Григорий Григорьевич (1734–1783) — генерал-аншеф, один из организаторов дворцового переворота 1762 г., фаворит Екатерины II.

³⁹ Орлов Алексей Григорьевич (1737–1807) — брат Г. Г. Орлова, участник дворцового переворота 1762 г., адмирал, командовал русской эскадрой в Средиземном море; за победы у Наварина и Чесмы (1770) получил звание Чесменского; в отставке с 1775 г.

⁴⁰ Чертков Евграф Александрович (ум. в 1797) — гвардейский офицер, участник дворцового переворота 1762 г.

⁴¹ Орлов Владимир Григорьевич (1743–1831) — директор Академии наук (1706–1774), брат Г. Г. Орлова.

⁴² Миних Бурхардт Кристоф (1683–1767) — генерал-фельдмаршал, первый министр в 1740–1741 гг.; императрицей Елизаветой Петровной был отправлен в ссылку, где пробыл двадцать лет, возвращен из нее в 1762 г. Петром III.

⁴³ Дворец М. И. Воронцова был сооружен по проекту архитектора В. Растрелли в 1749–1757 гг. (ныне во дворце на Садовой ул., 26, помещается Суворовское училище).

⁴⁴ Бирон Эрнст Иоганн (1690–1772) — герцог, фаворит императрицы Анны Иоанновны, создатель реакционного режима. После дворцового переворота 1740 г. был арестован и сослан; возвращен в Петербург Петром III.

⁴⁵ Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (1693–1766) — дипломат, канцлер (1744–1758), генерал-фельдмаршал при Екатерине II.

⁴⁶ Лесток Иоганн-Германн — граф, по происхождению француз. В 1745 г. канцлер Бестужев перехватил тайную переписку Лестока с французским послом Шетарди, которому он сообщал секретные данные о России. В 1750 г. был сослан в Углич, а в 1762 г. освобожден Петром III.